

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Учение о смысле человеческой жизни

Глава тринадцатая

СВОБОДА

Философское учение Гегеля, взятое в целом, может быть изображено как *учение о Божией свободе*, ибо к этому содержанию, действительно, сводится все, что он видел и чему он учил. Его философия пытается адекватно раскрыть *сущность* Божию и устанавливает, что эта сущность в *свободе*; она пытается изобразить *путь* Божией жизни и обнаруживает, что этот путь есть *самоосвобождение*; она стремится постигнуть смысл *человеческой жизни* и утверждает, что человек и его дух, его дела, его нравственность, его история и его смерть — все это образует высший этап *самоосвобождения Божия*. Свобода есть первое и последнее, исход всего и увенчание. Свобода есть *essentiale* Божества и критерий реальности; *все через нее и ради нее*. В чем же ее природа?

Малейшая неясность и недоговоренность в определении „свободы“ оказывается пагубной для верного понимания философии Гегеля. Термином „свобода“ так часто пользовались и злоупотребляли в истории мысли, с ним связывали столь различные значения, его столько раз делали лозунгом в практической борьбе, что *разумное содержание*, скрывающееся за ним, кажется совершенно исчезнувшим и уступившим свое место аффективно переживаемой неопределенности. Так было уже в эпоху Гегеля; и нужна была вся сила его интуитивного видения для того, чтобы возродить положительное, разумное содержание этого термина.

Сущность Божия — в свободе; ибо свобода есть *самоопределение*. Бог есть субстанция, единая и единственная реальность. Если бы, помимо Бога, была еще иная субстанция, то каждая из двух субстанций *ограничивала и определяла бы* другую одним своим бытием; это значит, что каждая была бы определена другою и тем самым *не была бы субстанцией*; ибо субстанция есть бытие, *ничем иным не определенное и не обусловленное*. Субстанция есть реальность, не имеющая *никакого инобытия* и потому *всецело обращенная на себя* и определяющая себя самостоятельно. *Центростремительная самодеятельность и самостоятельность, творческое одиночество* — вот основной признак субстанции.¹ Но именно это и означает, что *свобода* есть сущность субстанции.

Субстанция свободна, во-первых, в *отрицательном* смысле. Ибо она ничем иным не ограничена и не определена; она не имеет конца и границы; она есть все, и в этом она подобна „беспредельному“ Анаксимандра.² Она обладает „отрицательной бесконечностью“.

Субстанция свободна, во-вторых, в *положительном* смысле. Ибо она есть *творчество*; она есть жизнь, деятельность, активность, обращенная всецело на себя; то, что она творит, есть не что-нибудь „иное“, но она сама. Она есть сама субъект и сама свой объект; ее „начало“ совпадает с ее „концом“: она есть творческая „положительная“ бесконечность.

Итак, свобода субстанции в том, что она есть *творческое самоопределение*. В этой самодеятельности, обращенная всецело на себя, она свободно, на *внутренних путях* и по *внутренним целям*, осуществляет свою сущность. Ее путь ведет ее через *диалектическое распадение и органическое воссоединение*, к *сращенному, конкретному богатству определений*. По этому закону и в этой форме осуществляется ее *разумная сущность*.

Субстанция есть *разумная стихия, стихия мысли*: она есть *диалектически-органически мыслящее себя объективное Понятие*.³ Каждый акт ее есть акт свободного самоопределения, акт свободы. Понятие свободно делит свое содержание и свободно сращивает его вновь, обогащаясь. Понятие есть *смысловой организм*, сам себя творящий мыслью. Именно в этом значении оно есть *Божество*: свободный от инобытия организм мысли, или, что то же, *объективный смысл, как свободный субъект*.⁴

Естественно, что свобода в качестве закона Божественной жизни является *внутренней необходимостью* для Понятия: По-

¹ См. главу четвертую.

² Ср.: Log. I. 148; Епс. I. 14; Епс. III. 291.

³ Ср.: Log. III. 318. См. главы четвертую, седьмую и восьмую.

⁴ Ср.: Log. II. 243. См. главу восьмую.

нятию свойственно развиваться по закону абсолютного организма, который отличается от релятивного, конечного организма именно тем, что *совсем не имеет инобытия*. Поэтому свобода Божия может быть адекватно выражена как *абсолютная органичность*.

Понятно, что всякое ограничение и умаление превращает субстанцию в *несвободное* начало. Появление инобытия, хотя бы созданного самим Понятием, ставит его в положение обусловленное и конечное. Свобода Божия не может быть ни „противопоставлена“¹ чему-нибудь, ни „обусловлена“,² ни „ограничена“;³ если это случится, то Понятие потеряет *абсолютность* своей свободы и *абсолютность* своего органического развития. Это значит, что *Божество утратит свою свободу*.

И вот, Понятие достигнув в „Логике начала“ состояния „абсолютной Идеи“, *свободно отпускает себя в несвободное состояние*. Это не значит, что оно *совсем* искажает свою *внутреннюю природу*; нет, но *способ его бытия* искажается в корне. Понятие утрачивает чистоту и разумность своей атмосферы; „объективное“, пользуясь попусшением, *восстает, преодолагает, начинает жить на свой страх и празднует начало своей самобытности*; „субъективное“ опускается до состояния слабого, „внутреннего“ мерцания в глубине вещей и приемлет до конца последствия своего свободного падения.

Возникает затруднение: с одной стороны, ограниченная свобода *не есть* свобода, и *несвободная субстанция не есть субстанция*; с другой стороны, субстанция *не может* перестать быть субстанцией, и, следовательно, *ограниченная свобода должна остаться свободой*. Это затруднение разрешается посредством различения между „отрицательной“ свободой и „положительной“ свободой. Понятие утратило первую, но сохранило вторую и поставило перед собою задачу *восстановить первую через раскрытие и осуществление второй*. В этом краткая схема всей философии Гегеля.

Итак, Понятие утратило отрицательную свободу: его спекулятивное бессилие обнаружило воочию, что оно *не есть все*, что оно имеет дело с *инобытием*. В подлинной косности чувственной стихии, в недвусмысленном противодействии иррационального начала, в самобытном упоре конкретного-эмпирического — понятие встретилось с инобытием, облекшим его так, как „внешнее“ облекает „внутреннее“. Отсюда его ограниченность, конечность, обусловленность и противопоставленность.

Однако Понятие сохранило положительную свободу: силу творческого самоопределения, открывающую перед ним перс-

¹ Diff. 221.² Diff. 221.³ W. Beh. 367.

пективу восхождения. Эта сила, поскольку она скована с инобытием, не способна даже к подобию органической жизни на *низших* ступенях мира; но она хранит в себе, в скрытом виде, все свои высшие способности; она есть в *потенции* — организм, душа, сознание, воля, созерцание и мысль. Потенциальное могущество спекулятивной стихии выражается в том, что она продолжает в мире свою диалектически-органическую „спекулятивную метаморфозу“ самообогащения, *несмотря* на бремя инобытия, и притом постольку, *поскольку* ей удастся возобладать над неразумной самобытностью „врага“. Эта-то спекулятивная метаморфоза и превращает мир в творческое самоосвобождение, совершаемое Божеством.

Все это означает, что в *мире субстанция не свободна, но сохраняет силу для того, чтобы освободить себя*. Это и не может быть иначе, потому что субстанция — *духовна*, а дух есть не что иное, как „абсолютная свобода“.¹ И если он повергает себя в ограниченное состояние, то именно ради высшего самоосвобождения. Поэтому „несвобода в мире“ есть только проявление глубочайшей свободы Божества, той свободы, которая *не страшится* „несвободного“ состояния, но *приемлет* его и *изживает*, *утверждая этим глубину своей свободы* и приобретая в этом *высшую полноту освобождения*.

Это можно выразить так, что *свобода есть процесс в Боге*. Каждый образ мира уже свободен и *все еще не свободен*; он есть *большая свобода* по сравнению с *низшей ступенью* и *меньшая свобода* по сравнению с *высшей ступенью*. Каждый образ мира, взятый статически, сам по себе, не имеет абсолютной свободы; но в ряду мировых образов он есть *становящаяся абсолютная свобода*. Весь ряд мировых образований создан субстанцией, *восстанавливающей свое субстанциальное значение*. Свобода есть как бы *утраченный и возвращаемый рай*; но этот рай утрачен был *свободно*, т. е. по чисто внутренней необходимости, и *возвращается в свободном же борении*, т. е. по внутреннему закону самоопределения и органического роста.

Таким образом, *все „образы действительности“*, не говоря уже о „явлениях“, *лишены спекулятивной свободы* и являют только *борьбу Понятия за самоосвобождение*.

Этим и определяется *смысл человеческой жизни*. Каждое отдельное состояние человека, взятое само по себе, есть *обломок действительности*, представляющий из себя более или менее высокий „мировой образ“. Высота этого образа определяется *той степенью освобожденности*, которая в нем обнаруживается, или, *вернее, которую дух осуществляет в себе и собою*.

¹ Phān. 442. Ср.: Enc. III. 427; Ph. G. 20. 21.

Смысл человеческой жизни в *свободе и самоосвобождении*. Понятно, что этот смысл жизни не следует представлять себе как некое внешнее задание, или норму, или неосуществимый идеал. Свободу можно, действительно, рассматривать как идеал, но как уже *реальный и все еще реализующийся* идеал. *Свобода есть потенциально-совершенная сила, творящая актуальное раскрытие своего совершенства.*

Это можно выразить так, что *смысл человеческой жизни скрыт в глубине человеческого духа, как реальное духовное начало, работающее над своим осуществлением.* То, что „задано“ человеку, то, что составляет его назначение и предначертание, „задано“ ему его истинною, внутреннею сущностью, „предначертано“ ему его подлинною, духовною природою. Ему „задано“ самоосвобождение; но не в том значении, что „сущность“ его погрязает в несвободе; но в том значении, что реальная сущность его и есть не что иное, как самоосвобождающаяся сила. Ему „предначертана“ абсолютная свобода; и это следует понимать так, что *его истинное духовное существо* есть не что иное, как *сама субстанция, сама абсолютная свобода*, восстанавливающая себя в творческом борении.

Здесь, как нигде, Гегель может и должен быть понят из глубины учения Фихте Старшего. По Гегелю, дух, творящий свое освобождение в человеке, подобен тому „абсолютному Я“, которое, по учению Фихте, силою своею гарантирует „относительному, малому я“ человека — победу над „не-я“, над инобытием. Назначение человека Гегель видит вместе с Фихте, в творческом отождествлении себя со своим абсолютным духовным средоточием (субстанцией) и в восхождении к абсолютной свободе. Фихте не сразу отрешается от антропоцентрического понимания субстанции; он говорит о свободе как о бесконечно осуществляемом идеале; он не знает исчерпывающего спекулятивного ряда образов, учения о верховенстве мыслящего себя понятия и о диалектически-органическом восхождении к конкретному богатству. Но *онтологический корень* человеческого существа Фихте и Гегель понимают одинаково — как *духовное самоосвобождение.*

Итак, смысл человеческой жизни скрыт, по Гегелю, в собственной реальной глубине души. То, что творит себя, есть субстанция, т. е. в потенции абсолютная свобода; то, как она творит себя, есть органическое самоутверждение, т. е. свободное творчество, то, к чему она восходит, есть актуальное бытие абсолютной свободы, т. е. жизнь не скованного инобытием *объективного смысла* (Понятия). И если принять во внимание, что субстанция, творящая свою свободу, есть не что иное, как само Понятие, то можно сказать, что *Понятие есть смысл человеческой жизни.* Высшее достижение человека, смысл его

жизни в том, чтобы зажить жизнью божественного Смысла; и тогда, когда это достигнуто, человек убеждается, что именно Смысл есть смысл его существования.¹

Человек живет для того, *что* в нем живет; и он живет *тою* силою, для которой он живет. Это означает, что творческая основа его жизни есть сама высшая цель его бытия; или, иначе, цель человеческого бытия осуществляет себя *сама* в его жизни. Causa efficiens совпадает с causa finalis; ultima ratio есть не что иное, как primum movens. Абсолютное освобождает себя в процессе душевной и духовной жизни человека.

Этот процесс распадается на целый ряд ступеней и в общих чертах воспроизводит следующую схему.

„Внутреннее“ наталкивается на что-то „внешнее“, извне данное, как бы навязанное ему и с виду „чуждое“, на некое „инобытие“. Это инобытие имеет видимую самостоятельность и ограничивает „нашедшую“ его внутреннюю силу. Однако *на самом деле* (an sich)² это „инобытие“ совсем не чуждо внутреннему, освобождающемуся началу, но представляет из себя *объективное видоизменение* той абсолютной Идеи, по отношению к которой „внутреннее“ является *субъективным видоизменением*. Объективное и субъективное, или, что то же, „предмет“ и „самость“, „явление“ и „сущность“, „другое“ и „субъект“, „внешнее“ и „внутреннее“,³ — суть модусы единой сущности, хотя и не равноправные модусы. Однако „субъект“ еще не знает этого — ни об объекте, ни о себе; объект также не знает этого — ни о себе, ни о субъекте. Поэтому истинная природа объекта остается *скрытой*; ее разумный корень не осознан самим собою; он разумен только „сам по себе“ (pur an sich),⁴ но не „для себя“ (für sich). Он как бы томится в плену собственного неразумия. „Субъект“, нашедший его, стоит также в заблуждении; но „мы“, философствующие о „субъекте“ и „объекте“, знаем истинное положение дел и не вдаемся в обман: „для нас“ (an sich oder für uns)⁵ объект сохраняет свою скрытую „объективную“ разумность за видимость инобытия. И вот, „освобождение“ состоит в том, что эта видимая нам истина должна разоблачиться: то, что обстоит „само по себе“, должно стать обстоящим и „для себя“

¹ Гегель сам дает такое истолкование свободы; напр.: Епс. III. 374. 355. 292. (Z.).

² Таково *первое* значение этого термина, столь часто употребляемого Гегелем: „an sich“ значит „на самом деле“, „в сущности“, „подлинно“. Это значение сохранилось от Канта.

³ В Философии Духа, а иногда и в других сочинениях Гегель нередко пользуется этими терминами promiscue.

⁴ Таково *второе* значение этого термина: „an sich“ значит „непосредственно“, „неосознанно“, „не раскрыто для познания“.

⁵ Таково *третье* значение этого термина: „an sich“ значит „согласно очевидной для нас сущности вещей“, или, просто, „для нас“.

так, чтобы истинная сущность вещей явилась *осознанной* субъектом, *адекватно им познанной*. „Сущее само по себе“ станет „сущим для себя“, и откроется выход в последнюю сферу „сущую по себе и для себя“ (an und für sich): в сферу *спекулятивного тождества субъекта и объекта, разума и свободы*.

Это сближение между субъектом и объектом следует представить себе с полной отчетливостью, ибо в нем сущность освобождения.

„Освободить“ себя — значит *обновить* условия своего бытия так, чтобы из них *исчезло всякое инобытие*. Однако „исчезновение“ всего „иного“ недостижимо ни на пути ослепленного отрицания, ни на пути бесследного уничтожения.¹ Освобождение мыслимо только так: инобытие *приемлет* как *инобытие*, затем *усваивается* и, наконец, *разоблачается* как *мнимое инобытие*. Разум побеждает неразумную видимость объекта.

Итак, субъект „приемлет“ инобытие, не отрекаясь от него и не насилуя его;² он берет его в том виде, в каком он его „находит“ или „получает“, но берет с тем, „чтобы противопоставить“ его себе и затем „свести его к опосредствованному единству с собою“.³ Так „душа“ приемлет свое „тело“, „внешние вещи“, свои собственные бессознательные „влечения“, „бытие других людей“, „хозяйство“ и т. д. Она противопоставляет себе все это („по очереди“, на разных ступенях восхождения) как нечто чуждое, ограничивающее, как „предел“⁴ и вступает с этим пределом в борьбу ради преодоления.⁵

Субъект предоставляет объекту вступить в свою сферу; он ставит себя как бы в пассивное положение, *позволяет* себя ограничить и определить, терпит воздействие. Этим он вводит в себя содержание объекта, *вработывает* его, *вбирает* его⁶ в себя и *усваивает* его.⁷ Субъект переводит данное ему предметное содержание на гибкий и могучий язык своей „идеальной природы“; он „идеализирует“ его,⁸ т. е. отрицает⁹ его самобытную реальность,¹⁰ с тем, чтобы сохранить его мощь и его богатство на высшей ступени.¹¹ Благодаря этому он овладевает¹² им и подчиняет его себе в качестве „момента“.¹³

Этому приятию объекта и введению его в себя соответствует творческое проникновение субъекта в предмет. Дух не только обогащается содержанием „тела“, „внешних вещей“, „хозяйства“

¹ См. главы десятую и одиннадцатую. ² Ср.: осуждение „Entsagung“ и „Gewaltsamkeit“ Enc. III. 231; ср.: 236 (Z.). 237 (Z.). ³ Enc. III. 236 (Z.). ⁴ „Schranke“. Enc. III. 150. 293 (Z.). ⁵ „ringen“, „überwinden“. Enc. III. 293 (Z.). ⁶ Ср.: о „sich einbilden“ объекта. Enc. III. 230. ⁷ Ср.: Enc. III. 230. 322 (Z.). ⁸ См.: Enc. III. 149. 199. 232. ⁹ Ср.: Enc. III. 24. 47. 231. 234 (Z.). 251 (Z.). 273. 294—295. 295 (Z.). 371—372. ¹⁰ Enc. III. 150. ¹¹ Enc. III. 149. ¹² Ср.: „in Besitz haben“. Enc. III. 229. ¹³ „als Moment unterordnen“. Enc. III. 231.

и т. д., но сам реально обращается к ним и преобразует¹ их существование. Субъект завладевает *самим объектом*,² делает его своею собственностью,³ потребляет его.⁴ Он осиливает его, покоряет его себе⁵ и заставляет его терпеть *свое* влияние и нести *свою* власть.⁶ Мало того, дух превращает объект в свое „податливое и приспособленное орудие“,⁷ в свой „инструмент“.⁸ Он добивается того, чтобы объект стал для него „вполне проходимым“,⁹ „текучим“;¹⁰ чтобы он не оказывал сопротивления¹¹ его свободному полету; чтобы он проникся¹² его жизнью. Наконец, он превращает его в свое „верное выражение“,¹³ в свою „непосредственность“.¹⁴

Тогда объект является побежденным и субъект получает полное основание сказать ему: „ты — это я, а я — это ты“; или „ты и я — одно и то же“. Объект оказывается разоблаченным, а субъект — свободным от „инобытия“. Но именно благодаря этой свободе субъект имеет возможность снова „отпустить“ объект в инобытие и предоставить ему вести свое „внешнее“ существование.¹⁵ Теперь „инобытие“ уже не страшно духу; по крайней мере в той разновидности его, которую он поборо. Дух оказывается „закаленным“¹⁶ против опасности „внешнего“ воздействия. Он чувствует себя господином предмета и ставит себя в „безразличное“ отношение к нему.¹⁷ Он уже не прикреплен к нему,¹⁸ не занят им,¹⁹ не заинтересован им,²⁰ ибо предмет превратился в его покорное состояние. Объект не ограничивает субъекта²¹ и не определяет его.²² Субъект уже не пассивен²³ и не знает зависимости.²⁴ Дух, оставаясь в форме инобытия, соблюдает свою свободу и следует своему внутреннему закону. Он нашел в объекте себя и положил (gesetzt) в себе объект. Он может сохранить свою обленченность в инобытие, но может и оторваться от побежденных им, иррациональных корней бытия,²⁵ ибо он утвердил над ними свою силу²⁶ и освободился от них.

¹ „umgestalten“. Enc. III. 237 (Z.). 248 (Z.). ² Cp.: Enc. III. 237 (Z.). ³ Enc. III. 232. ⁴ „aufzehren“. Enc. III. 273. ⁵ „unterwerfen“. Enc. III. 231. ⁶ Cp.: Enc. III. 26 (Z.). 61 (Z.). 62 (Z.). 288. 333. 350. ⁷ „gefügiges und geschicktes Werkzeug“. Enc. III. 237 (Z.). ⁸ Enc. III. 232. ⁹ „durchgängig“. Enc. III. 232. ¹⁰ „flüssig“. Enc. III. 232. ¹¹ „widerstandslos“. Enc. III. 232; „ungehindert“. Enc. III. 232. ¹² „durchdrungen“. Enc. III. 232. ¹³ „richtig äussert“. Enc. III. 232. ¹⁴ „Zu einer Unmittelbarkeit“. Enc. III. 233. ¹⁵ Cp.: Enc. III. 258. 294. (Z.). ¹⁶ „Abhängung gegen“. Enc. III. 231. ¹⁷ „gleichgültig“. Enc. III. 231. 231. ¹⁸ „gebunden“. Enc. III. 119 (Z.); „verwickelt“. Enc. III. 231. 288. ¹⁹ „beschäftigt“. Enc. III. 229. 230. ²⁰ Enc. III. 229. 230. ²¹ Enc. III. 150. 293 (Z.). ²² Enc. III. 119 (Z.). ²³ Cp.: Enc. III. 152. ²⁴ Enc. III. 25 (Z.). 119 (Z.). 230. 297 (Z.). 367 (Z.). ²⁵ Cp.: Enc. III. 117—118. ²⁶ „Stärke“. Enc. III. 231.

Итак, свобода духа состоит в том, что он придает себе значение и силу *субстанции*¹ по отношению к объекту. Он вступил в „тождество“ с инобытием,² но превратил его в свою „акциденцию“, согласованную с субстанциальным началом.³ Субъект стал сущностью, а объект — адекватным явлением этой сущности.⁴ Свобода духа выражается в том, что он имеет возможность, не выходя из пределов инобытия, пребывать в „отвлечении“ от него;⁵ творить свою *внутреннюю* жизнь, не нуждаясь во внешней деятельности⁶ и самостоятельно⁷ следовать своему собственному закону.⁸

Это состояние освобожденности естественно приводит к тому, что субъект обращается уже не к объекту, а к *самому себе*.⁹ Он как бы возвращается к себе из похода в инобытие¹⁰ и притом возвращается победителем. Но в этой свободной рефлексии на себя¹¹ дух открывает вновь, уже в своих собственных пределах, некоторую пассивность, непосредственность и ограниченность — некое „инобытие“. Оказывается, что в нем самом не все „принадлежит“ ему, не все покорно ему, не все тождественно с ним, не все есть его знак; его самоопределение еще не „абсолютно“ и сам он не вполне свободен. И вот начинается процесс *внутреннего* самоосвобождения борьбы с *внутренним инобытием* — пассивными ощущениями, чувственными влечениями, аффектами и страстями. Субъект должен „снять“ всякую непосредственность,¹² приобрести власть над каждым имеющимся налицо содержанием.¹³ Эта власть приобретается, как и ранее, удвоенным процессом: с одной стороны — посредством приятия данного содержания в себя и осознания его,¹⁴ с другой стороны — посредством творческого проникновения в него и преобразования.¹⁵ В результате такого двойного „вживания“ содержание, обнаружившееся в „его бытии“, становится *его* содержанием;¹⁶ оно превращается в подлинное достояние субъекта. Дух снимает ту видимость „чуждого“ и „внешнего“, которая тяготела над содержанием, и вводит его в ряд *внутренних* определений. Это значит, что он внедряет содержание в себя и себя в содержание, или, что то же, он уходит внутрь себя, внедряет сам себя — в себя (*sich er-innern*).¹⁷ В этом движении дух постепенно овла-

¹ Ср.: *Enc.* III. 232. ² Ср.: *Enc.* III. 237 (Z.). 254. 285 (Z.). 292—293 (Z.). 296. ³ Ср.: *Enc.* III. 237 (Z.). ⁴ Ср.: *Enc.* III. 254. ⁵ Ср.: *Enc.* III. 231. 237 (Z.). 239. 350. 370. ⁶ Ср.: *Enc.* III. 327—328. ⁷ *Enc.* III. 149. 337. (Z.). ⁸ *Enc.* III. 119 (Z.). ⁹ „Sich auf sich selbst beziehen“. *Enc.* III. 25 (Z.). 201 (Z.). ¹⁰ *Enc.* III. 305 (Z.). 350. ¹¹ Ср.: *Enc.* III. 152. ¹² *Enc.* III. 148 (Z.). 201 (Z.). 288. ¹³ *Enc.* III. 26 (Z.). ¹⁴ Ср., напр.: *Enc.* III. 314 (Z.). ¹⁵ Ср., напр.: *Enc.* III. 329. 337 (Z.). 339. ¹⁶ Ср.: *Enc.* III. 233. 246. 253. 254—255. 296. 339. 371. ¹⁷ Ср.: *Enc.* III. 297 (Z.). 305 (Z.). 311. 322 (Z.). 346. 349 (Z.). 359—360 (Z.) и др.

девает собою и достигает *самообладания*.¹ Он приобретает над собою власть² и вступает в *тождество с самим собою*.³ Осуществляя свое назначение, или, как Гегель обычно выражается, свое „понятие“, дух стремится к тому, чтобы быть владыкой своего достояния, чтобы быть „у себя“⁴ и „для себя“⁵. „Быть у себя значит быть свободным“⁶, и „сущность духа состоит“ именно „в том, чтобы быть у себя“.⁷ Это означает, что субъект должен иметь дело *только с собою и со своими* определениями.⁸ Духу подобает быть абсолютным самоопределением⁹ и совершенным самосознанием.¹⁰ А это и значит быть „у себя“ и „для себя“, или, что то же, „быть идеальностью, относящеюся к самой себе“.¹¹

Когда это достигнуто, тогда дух свободен. Свобода предполагает, следовательно, что субъект „справился“ со своим содержанием;¹² что он осуществил до конца „присвоение“ и „овладение“;¹³ что он закончил разоблачение инобытия,¹⁴ проработал его¹⁵ и снял „различие“¹⁶ между ним и собою; что он превратил „инобытие“ в свой знак¹⁷ и отображение.¹⁸ Тогда дух, искоренив¹⁹ все, что идет *не* от него, освобождает себя от всякого „отношения“ к инобытию²⁰ и от всякой ограниченности.²¹ Он „снимает“ неверную предпосылку знания, по которой субъект *противостоит* объекту или пребывает в *отвлечении* от него;²² он опровергает ее тем, что реально осуществляет проникновение мыслящего „субъекта“ в разумный „объект“ и обратно.²³ Понятно, что это проникновение возможно только в спекулятивном мышлении или „разумном познании“; поэтому *свобода невозможна вне разума*.

Только в разумном мышлении осуществляется великое схождение и сращение — тождество „субъекта“ и „объекта“. Разум свободен потому, что познает *все* как „свое“²⁴ собственное видоизменение; он свободен потому, что знает и созерцает „себя в другом, как себя самого“:²⁵ он и в различии сохраняет тождество

¹ „sich erfassen“: Enc. III. 69 (Z.); „sich in Besitz nehmen“: Enc. III. 149.
² Enc. III. 149. ³ Enc. III. 24. ⁴ „bei sich sein“: Enc. III. 33. 232. 300 (Z.). 351. ⁵ Enc. III. 23 (Z.). 41. 69 (Z.). 234 (Z.). 236 (Z.). 291 (Z.). 296. 301. 373 и др. ⁶ Enc. III. 33. ⁷ Enc. III. 351. ⁸ См. главу восьмую. ⁹ Ср.: Enc. III. 119 (Z.). 295 (Z.) и др. См. главу восьмую. ¹⁰ Ср.: Enc. III. 201 (Z.). ¹¹ Ср.: Enc. III. 237 (Z.). 251 (Z.). 295 (Z.). ¹² „fertig geworden mit dem Inhalte“: Enc. III. 338 (Z.). ¹³ „durchgeführtes Aneignen“: Enc. III. 350. Ср.: 239; „vollendete Besitznahme“: Enc. III. 358. ¹⁴ Ср.: Enc. III. 295 (Z.). 311 (Z.). ¹⁵ „durchgebildet“: Enc. III. 239. ¹⁶ „Differenz“: Enc. III. 230. ¹⁷ „Zeichen“: Enc. III. 239. 240. 339. ¹⁸ „Abbild“: Enc. III. 248 (Z.). ¹⁹ „tilgen“; ср.: Enc. III. 339. ²⁰ Ср.: Enc. III. 254. ²¹ Ср.: Enc. III. 292—293 (Z.). ²² Ср.: Enc. III. 296. 298 (Z.). ²³ „gegenseitiges Sichdurchdringen der denkenden Subjektivität und der objektiven Vernunft“: Enc. III. 358 (Z.). ²⁴ Ср.: Enc. III. 267 (Z.). Ср. еще: „alles Fremdsein im Wissen aufgehoben“: Prop. 205. ²⁵ „mich im Andern, als mich selbst wissen“: Enc. III. 275; ср.: 284 (Z.).

с собою и в этом его бесконечность и вечность.¹ То самое, что субъект познал как свою сущность (разум), то самое он утверждает как сущность объекта.² Куда бы он ни проник, он всюду убеждается, что объект есть член той системы духа и разума, в которой пребывает сам субъект;³ субъект всюду сливается с собою⁴ и в этом его свобода. Зная предмет, дух тем самым знает себя в предмете; сознать объект значит для него — сознать себя; и в этом — примирение духа с самим собою⁵ и свобода.⁶ Субъект ищет и находит в предмете только себя,⁷ ибо все содержание мысли есть самая мысль.⁸ В мышлении объект всецело создается субъектом,⁹ и потому мышление есть начало свободы. Познание предмета есть уже не встреча с инобытием, но самопознание истины; если человек постиг это, то он есть „свободный дух“.¹⁰ Тогда он знает о тождестве субъекта и объекта¹¹ и пребывает в „чистом элементе самодеятельного мышления“.¹² Только через это осуществляется „полная свобода“.¹³

Итак, дух свободен, когда он знает, что он есть абсолютное самоопределение. Тогда он свят, ибо свято то, что само „разумно и знает о разумном“.¹⁴ Тогда он полагает о себе все содержание и творит себя, развивая его самостоятельно из своих недр.¹⁵ Он знает, что кроме него ничего нет, и знает, что свобода есть его собственная сущность.¹⁶ Тогда он является божественной самоцелью,¹⁷ идею, принявшею действительность в жизни людей.¹⁸ Ибо Идея состоит в том, что люди знают свободу как свою сущность, как свою цель и свой предмет.¹⁹

Таков путь самоосвобождения, совершаемый Понятием в действительном мире. Понятно, однако, что наряду с этим миром, смешанным из „сущности“ и „существования“, жизнь Божия протекает непрерывно и на самом высоком, абсолютном уровне философского мышления. С тех пор как в мире состоялось первое разумное познание, абсолютная свобода восстановилась в элементе „объективного сознания“; и с этих пор мысль, в ее истинном значении, остается всегда неумаленною. Поэтому Божию свободу необходимо созерцать сразу в двух рядах: она абсолютна в философском мышлении,²⁰ где Понятие освободилось совсем от одиозного спутника — чувственной стихии; и в то же время она ограничена в мире действительном, где Понятию приходится преодолевать сопротивление иррациональ-

¹ Ср.: Enc. III. 292 (Z.). ² Ср.: Enc. III. 257 (Z.). 267 (Z.). ³ Ср.: Enc. III. 267 (Z.)
⁴ Enc. III. 370. 376. ⁵ Enc. III. 300 (Z.). ⁶ Ср.: Enc. III. 266.
⁷ Enc. III. 357 (Z.). ⁸ Ibidem. ⁹ Ср.: Enc. III. 300 (Z.).
¹⁰ Ср.: Enc. III. 290 (Z.). ¹¹ Enc. III. 291 (Z.). ¹² Enc. III. 232.
¹³ „das ganz Freie“: Enc. III. 232. ¹⁴ „hellig“: Enc. III. 292 (Z.).
¹⁵ Ср.: Enc. III. 294. 295 (Z.). 296. 298 (Z.). 329. 339. 359 и др.
¹⁶ Enc. III. 374. ¹⁷ Ср.: Enc. III. 300 (Z.). ¹⁸ Enc. III. 375. ¹⁹ Enc. III. 375.
²⁰ Ср.: Enc. I. 20. 44. Enc. III. 232. 377 и др.

ного и в лучшем случае выражать себя на его ограниченном языке.

Только спекулятивное *поглощение* субъективного сознания объективным смыслом возвращает Духу его абсолютную свободу и бесконечность; а это возможно только в спекулятивно-философском мышлении. Сказать: „Бог есть Дух“, значит сказать: „Бог есть Бог лишь постольку, поскольку он сам себя знает“.¹ Но знание себя, осуществленное Богом, есть „его самосознание в человеке“, так что знание человека о *Боге*, восходит к знанию человеком себя в *Боге*“² и далее к знанию *Богом себя в человеке*. Это означает, что Бог есть „истинный Бог“³ только в *философском самопознании*, где он есть воистину „свободный Дух“.⁴ На других же ступенях, особенно в природе, где он еще сохраняет элемент неопределенной непосредственности, он не есть „истинный Бог“.⁵ Богом следует называть „только истинно-истинное, т. е. то, где свободное Понятие не имеет более в своей объективности никакой неразрешенной противоположности, т. е. где оно никоим образом не причастно конечному“⁶ и не ограничено эту причастностью.

Весь процесс самоосвобождения может быть охарактеризован как своеобразное *углубление* духа. Дух углубляется в *объект* и в то же время в *себя*. Углубление духа в объект необходимо для того, чтобы могло состояться его истинное *самоуглубление*. Каждый шаг, вводящий субъекта в объект, подвигает дело его самоосвобождения. Однако эти два движения не различны и не раздельны, но представляют из себя одно и то же движение. Дело в том, что каждое новое завоевание в объекте не уничтожает его совсем, но раскрывает новый, *более утонченный* вид „инобытия“ и „объективности“, преодоление которого *доступно лишь более утонченной и углубленной субъективной деятельности*. Для того чтобы овладеть „аффектом“ или „представлением“, субъекту необходимо подняться на высшую ступень духовности, или, что то же, опуститься на более глубокую ступень внутреннего творчества, чем та, на которой он имеет дело с „внешними вещами“ или с собственным телом (например, во время ходьбы). Это означает, что углубление субъекта в объект требует непрерывного, параллельного углубления его в себя. Из каждой новой победы над предметом субъект возвращается выросшим и углубленным, одухотворенным и освобожденным. Он приблизился к сущности предмета („объективному“ разуму) и в этом приближении выточил для себя новую форму жизни, более близкую к

¹ Енс. III. 448. ² Енс. III. 448. Курсив Гегеля. ³ Log. II. 182.
⁴ Енс. III. 428. ⁵ Log. II. 182. Это терминологическое ограничение не мешает самому Гегелю настаивать на божественности „образов мира“, на пантеизме и акосмизме. ⁶ Briefe. II. 79.

его собственной сущности („субъективному“ разуму). И каждый раз субъект *отрывается* от побежденного инобытия, *отпускает его на волю и возвращается к себе*, обогащенный новым предметным содержанием и новым способом духовного бытия. Каждый новый, более утонченный, предмет приводит субъекта к новой двойной победе: над усвоенным объектом и над прежним, более непосредственным способом своей жизни. Объект освобождается из плена собственного неразумия, а субъект освобождается из плена собственной элементарности и непосредственности. И когда субъект, освободившись, „отпускает“ усвоенное им содержание и предоставляет ему сохранить свою старую форму, то в этой щедрости он проявляет истинную свободу: дух не только не поддается ограничению со стороны своего вольноотпущенного объекта, но он знает об этой своей неограниченности, или бесконечности, знает с силою минувшего страдания и состоявшегося откровения.

Таким образом, борьба с объектом необходима духу для его освобождения, и вследствие этого весь процесс субъекта с инобытием является, как это было и у Фихте, *условием осуществления свободы*. При таком положении дела вся жизнь духа оказывается созданием свободы, совпадающей с необходимостью, или необходимостью, которая есть не что иное, как свобода. *Общение с инобытием есть необходимость*, которую Идея свободно создала для себя в отпадении; и в то же время это есть процесс ограниченного духа, *внутренне необходимый* для него и потому проявляющий его *самозаконность*, т. е. свободу. *Преодоление и снятие объекта* есть необходимость для освобождающего и, наконец, освободившего себя духа; и в то же время это есть торжество его самоопределения, т. е. его глубочайшей внутренней необходимости. *Неимение объекта* означает торжество абсолютной свободы и утверждение абсолютной необходимости. Чем свободнее жизнь духа, тем она вернее его внутренней природе, тем более в ней истинной, спекулятивно-органической необходимости. Самая несвобода необходима духу для реализации свободы, и задача его на низших ступенях состоит в том, чтобы принять свою необходимую ограниченность и умаленную свободу, ибо только через это он может подняться к своей необходимой бесконечности и неумаленной, абсолютной свободе. Освобождение требует, чтобы дух начал с малого, ибо путь к свободе ведет только через смирение. И налагая на себя его смирение, субъект может и должен хранить непоколебимую уверенность в том, что его ждет не только победа над объектом, но и высшее из освобождений: *преодоление субъективной ограниченности*.

Таково учение Гегеля о свободе. Следуя ему, можно установить, что „свобода“ есть критерий реальности и в то же время мерило объективного достоинства для всех „явлений“

и „образов“ мира: чем свободнее мировой образ, тем выше его место в восходящем ряду духовной жизни, тем ближе он к реальности верховного уровня.

Но образ мира *тем свободнее, чем менее он причастен форме инобытия*. Свобода состоит прежде всего в преодолении чувственной стихии, в победе над конкретным-эмпирическим. Это означает, что Понятие должно сначала побороть самобытный ритм конкретного-эмпирического, а потом погасить его участие и выйти из сферы „действительности“. Иррациональная стихия и свобода остаются до конца в отношении противоположности; и в этом последнее слово Гегеля о конкретном-эмпирическом. В самой глубокой сущности мира и души указывается метафизический „факт“ борьбы Понятия с его „пределом“ („Schranke“). Этот предел создан Духом именно для преодоления;¹ он „приемлется“ лишь постольку, поскольку жизнь его есть *самотрицание*. В этом его единственное назначение: упразднить свое самобытное существование и подчиниться закону Понятия, — *отменить себя во имя свободы*. Конечное должно обнаружить в себе „Бесконечное“ как свою сущность;² „единичное“, исполняя свое назначение, должно отринуть себя и обрести свою основу во „Всеобщем“;³ „внешнее“ должно найти свою истинную природу во „Внутреннем“;⁴ „чувственное“ должно быть отвергнуто выступающим из-за него „сверхчувственным“;⁵ „случайному“ надлежит превратиться в свою „истину“ — в абсолютную „необходимость“.⁶ Призвание конкретного-эмпирического состоит в том, чтобы спешить на встречу своей гибели⁷ во имя свободы; *ибо негативный процесс в чувственной стихии есть позитивный, творческий процесс в Боге*. Освобождение Бога в мире состоит в том, что он постепенно сбрасывает чешую конкретной эмпирии и наконец „абсорбирует“ ее совсем, возвращаясь из мира к абсолютной свободе. Эмпирическое существование есть тот крест, на котором распят Божественный разум,⁸ и с этого креста есть только один путь воскресения — в спекулятивной мысли.

Согласно этому, образ мира *тем свободнее, чем менее в нем „внешнего“ и чем ближе он к „чисто внутреннему“ элементу*.

¹ „Die Schranke ist also nicht in Gott und im Geiste, sondern sie wird vom Geiste nur gesetzt, um aufgehoben zu werden“: Enc. III. 39 (Z.). 293 (Z.). ² Ср.: Enc. III. 37. Beweise. 388. 389. 390. 431. 433. Beweise. V. 469. ³ См. главу пятую. ⁴ Ср.: Log. II. 230. Enc. II. 482—483. Enc. III. 18 (Z.). Beweise. 344 и др. ⁵ См. главы первую, вторую, третью. ⁶ Ср.: Log. III. 241. Enc. III. 22 (Z.). Beweise. 367. 429. 434. 437. 438. ⁷ „zu Grunde geht“: Beweise. 445; „Untergang“: Log. III. 241; „sich auflösen“: Beweise. 434; „vernichtet“: Glaub. 67. ⁸ Ср.: „die Vernunft, als die Rose im Kreuze der Gegenwart“: Recht. 19.

В процессе освобождения инобытие постепенно утрачивает характер грубой, инертной, осязаемой материи и превращается в „чувственное ощущение“, „чувственную страсть“, „чувственный образ“. Объект дематериализуется, передвигается в душу, получает „душевную“, а потом и „духовную природу“. Даже оставаясь еще чувственной вещью, он может как бы переменить свою родину и стать „рожденным из духа“: таково вещественное бытие в *искусстве и религии*. И все-таки каждый образ искусства и религии несовершенен постольку, поскольку он нуждается в чувственно-внутреннем или тем более чувственно-внешнем бытии. Вот почему Гегель считает архитектуру с ее пространственными, застывшими массами *низшим* из искусств, а поэзию с ее тканью воображаемых духовных состояний *высшим* родом эстетического творчества. Вот почему он считает религиозную веру с ее алканием и предчувствием, с ее эмоциональным субъективизмом разновидностью эмпиристического пленения.¹

Далее, образ мира *тем свободнее, чем полнее он осуществляет центростремительность и самодеятельность Понятия*. Уже простая обращенность к себе и на себя доступна не всем явлениям мира. Естественный организм есть первое явление *самодеятельности* и, следовательно, свободы; все, что ниже его, несвободно.² Истинная „рефлексия“ доступна только человеческой душе, как началу „самосознания“ и самоуглубления. Истинная *самодеятельность* (тождество субъекта и объекта) осуществляется только в мысли. Имея это в виду, Гегель и настаивал на том, что в чувственной форме может раскрыться не всякое содержание³ и что „более глубокая“ природа истины может быть выражена *только в свободной стихии мышления*.⁴ Так совершается освобождение духа: от глухого самочувствия и слепой самодеятельности организма к сознанию и самосознанию души, к разумному познанию и спекулятивному самопознанию духа. *Научная философия есть осуществление высшей свободы*.⁵

Понятно, что именно философия есть в то же время осуществление высшей *органической необходимости*. Образ мира тем свободнее, чем более он проникнут внутренней органической необходимостью. Все случайное, насильственное, произвольное свидетельствует о том, что истинная свобода осталась недостигнутой.⁶ Все то, что в жизни своей творит произвол, поддается насилию или отзывается на случайные влияния и голоса, — все

¹ Ср.: Nohl. 313. См. главы третью и двенадцатую. ² Ср.: Enc. II. 28. Recht. 87. Ph. G. 58; ср. с этим Diff. 265. 265—266, где природе приписывается свобода. Это противоречие разъяснено в главе десятой. ³ Aesth. I. 14. 102. ⁴ Ср.: Enc. III. 442. Aesth. I. 14 и др. ⁵ Ср.: Diff. 206. Glaub. 113. 157. Log. III. 318. 3 lat. 315. ⁶ Ср., напр.: Enc. II. 30. Enc. III. 407. Recht. 50 и др.

это находится в плену у чуждого начала; все это еще не нашло *единственной свободы — в единственной необходимости*.

Жизнь свободна тогда, если она *органически слилась с божественною стихиею*; но тогда она свободна не свободой произвольного выбора, а *необходимостью внутреннего самоопределения*. Свобода исключает субъективную объединенность, случайное усмотрение, самобытность единичного, оторвавшегося от Всеобщности. Напротив, она есть торжество Всеобщего, органического сращения, спекулятивной конкретности. Она требует от „единичности“ самоотречения.

Такова свобода; такова ее судьба: ее утрата и ее возрождение. „Действительность“ в лице *образов мира* восстанавливает ее все полнее и совершеннее; но наряду с ними остаются „явления“, слагающие сеть эмпирической случайности и эмпирической необходимости. Пока мир стоит, в нем сохраняются неосвобожденные вещи, явления и состояния; и в этом *трагедия духа*. Он вечно остается под угрозой того, что отпадут и восстанут „необразумившиеся“ силы мира и, может быть, вовлекут его в новые падения и мытарства. Правда, свобода есть реальная, целесообразно творящая себя сила; но разве не противостоит ей все еще непросветленная до конца чувственная стихия? Правда, история человека внутренним образом исполнена Духа и Разума;¹ она есть наряду с природою „сосуд“ Духа;² она венчает мировой процесс осуществленною и организованною свободою, ибо в свободе „единственная цель духа“ и мира.³ И все же история остается наряду с этим великою „бойней“, ⁴ в которой „приносятся в жертву счастье народов, мудрость государств и добродетель личностей“.⁵

Жизнь мира протекает не только в совмещении двух взаимоисключающихся стихийных сил, но и в невозможности свести себя целиком к абсолютной свободе, ибо *мир не может превратиться без остатка в чистую мысль*, а если бы он в нее превратился, он *перестал бы быть миром*. Абсолютная свобода возрождается в мире, но не поглощает его целиком. Вот почему путь Божий в мире слагается не в драматическую поэму, как это нередко предносится Гегелю, а в трагедию.

Эта *трагедия свободы* нигде не обнаруживается яснее, чем в жизни человеческой души, воли и конкретной нравственности.

¹ Ср.: Ph. G. 12. 13. 14. 16. 18. 21. 22. 29. 33. 51. 52. 53. 73 и др. ² Enc. III. 427. ³ Ср.: Recht. 172. Ph. G. 23. 23. ⁴ „Schlachtbank“. Ph. G. 25. ⁵ Ph. G. 25.